

Мир Гарри был царством звука и тьмы. Он ничего не видел. Ничего не чувствовать. Ничего не пахнет. Черт возьми, он даже ничего не чувствовал на вкус, даже знакомое нёбо во рту. Все было одиноко. Никогда не меняется. Единственное, что он мог сделать, это услышать.

И мальчик, он слышал.

Гарри все слышал. От глухого удара головой об пол Комнаты Требований до задыхающихся криков его товарищей, которые, по-видимому, пытались его разбудить. Было странно знать, что кто-то прикасается к тебе, но не чувствовать и не ощущать этого никоим образом. Сюрреалистичный. Как будто он начал терять сознание, но успел сделать это только наполовину.

Только звуки, доносившиеся от каменных стен и забитых книжных полок, помогали Гарри понять, что происходит с его неподвижным телом, Гарри слышал свое движение, которое, как он полагал, было похоже на звуковые волны, которые летучие мыши используют для поиска предметов. словно его слух увеличился по крайней мере в десять раз. Интересно, это как быть оборотнем в полнолуние? – удивился Гарри, почувствовав новую симпатию к Ремусу.

Однако больше всего на него действовали испуганные голоса Джеймса, Ремуса и Сириуса. Они были почти оглушительно громкими, их глубокие подростковые баритоны фактически били ему в уши так, что Гарри был уверен, что это было бы больно, если бы сейчас он не был лишен способности чувствовать.

— ...профессору Дамблдору! Сириус говорил сквозь звуки трех пар бегущих ног.

"Сюда!" — закричал Ремус, отчего три ноги, казалось бы, заскользили по полу и изменили направление. "Проход позади Ульвинна Неудачника приведет нас туда быстрее!" Не было никакого ответа, кроме испуганного, тяжелого дыхания, исходящего от Мародеров. После полусекундной паузы вибрации, которые он слышал, сменились раздражающим эхом людей, мчащихся вверх по узкой лестнице. Они продолжали, не останавливаясь, несмотря на то, что он слышал все более громкие вздохи людей, которые, как он предполагал, несли его.

Это было очень странное чувство, ничего не чувствовать и не видеть. Гарри предположил, что это немного похоже на призрак... только без зрения. Он хотел заговорить; сделать что-то, чтобы сказать им, что он был в порядке. Ну, он думал, что с ним все в порядке. Он надеялся, что с ним все в порядке. Гарри напряг мозг, пытаясь придумать, что бы он мог сделать... любая ситуация, о которой он слышал, была похожа на эту. Но ничего не приходило в голову.

Погрузившись в свои мысли, Гарри почти не замечал, как быстро летит время. Однако ему навязчиво напомнили о мире за пределами черного пространства, в котором он чувствовал, что парит, когда услышал...

"ПРОФЕССОР ДАМБЛДОР!" Усиленный голос Джеймса прозвучал вокруг него, громче, чем что-либо, что он когда-либо слышал. словно в двух футах от него взлетела ракета, а на заднем плане гремел марширующий оркестр. И снова Гарри был безмерно благодарен за то, что в

данный момент он не может чувствовать боль или (предположительно) страдать.

В истинном стиле Дамблдора этого человека, казалось, даже не смутил яростный вопль Джеймса. На самом деле, судя по звуку его шагов, все, что он сделал, это поднялся на ноги и пошел, хотя через некоторое время он начал бежать - предположительно после того, как увидел Гарри в бессознательном состоянии.

"Что случилось?" — спросил его голос бодро, с оттенком отчаяния. Наступила многозначительная пауза, когда вокруг Мародеров пронеслись мысли, пытаюсь решить, говорить правду или нет. В конце концов первым заговорил Ремус.

— Мы уничтожили хоркрукс, — сказал он немного нерешительно.

"Ч-что!" Дамблдор закричал с нехарактерным для него уровнем эмоций. "Как? Нет, расскажи мне позже. Просто расскажи мне, как он оказался в таком состоянии! У него есть пульс..." из Палаты... что, по-видимому, решил Джеймс, было либо А) частью информации, которую он не хотел рассказывать Дамблдору, либо Б) историей для другого раза.

Примерно через минуту он закончил, дав подробные объяснения того, как выглядел хоркрукс, и около дюжины информации, которую Дамблдор, очевидно, должен был знать. Наступила тишина, и Гарри подозревал, что они суетятся вокруг него — скорее всего, пытаюсь разбудить его заклинаниями или сделать это физически.

«Так что с ним не так? С ним все будет в порядке?» – наконец выпалил Сириус. Наступила пауза, и мысли Гарри были перегружены, пытаюсь как-то сообразить, о чем думает Дамблдор, как можно быстрее...

— Да, с ним все будет в порядке, — наконец ответил Дамблдор, спустя целых тридцать секунд после того, как был задан вопрос. «Мне просто нужно совершить быструю поездку в мою личную библиотеку в моем офисе, чтобы получить книгу... Я знаю заклинание, которое поможет ему».

Вздохи Мародера эхом разнеслись по комнате, и Гарри был уверен, что его мысленный вздох как минимум в два раза превышал их благодарность.

— Слава богу... — хрипло пробормотал Ремус, когда шаги Дамблдора унеслись с равномерным стуком. «С ним все будет в порядке».

"Ага." Джеймс согласился с такой же заботливостью. «На какое-то время, я т-думал...» но он не смог закончить фразу, его голос сорвался от эмоций. Сириус искренне хмыкнул, соглашаясь с мнением отца Гарри.

— Слава богу, — повторил он. После этого воцарилась граничащая с дискомфортом тишина

(хотя ее было бы гораздо больше, если бы они знали, что Гарри их слышит), пока Гарри внимательно слушал, как Дамблдор суетится этажом над ними, предметы часто падают на землю. он бросился. Гарри подозревал, что его товарищи его не слышат, иначе они бы что-то прокомментировали. Он объяснил это своим улучшенным слухом.

— Я нашел его, — объявил Дамблдор, целеустремленно войдя в комнату. Звук перелистывания страниц раздался за пару секунд до того, как директор, по-видимому, нашел то, что искал. "Нашел!" — воскликнул он совершенно излишне. — Миссис Поттер, Блэк, Люпин и Пет — ну, я полагаю, не мистер Петтигрю — отойдите, пожалуйста. Мне нужно место.

После его импровизированной речи шорох ботинок удалился от Гарри. Гарри, несмотря на свое доверие к Дамблдору, чувствовал, как нарастают нервы, когда он задавался вопросом, действительно ли заклинание Дамблдора сработает. Ему было противно позволять кому-либо околдовать себя...

Дамблдор резко остановился и начал шептать почти разборчивую латынь себе под нос.

"Exito Excessum quiesco... МОДО!" — пробормотал он, выкрикивая последнее слово со напряжением. Внезапно по Гарри пробежало ощущение легкого удара током, и он задохнулся, поражаясь тому, что вообще может чувствовать.

"Гарри!" Джеймс, Сириус и Ремус закричали одновременно, облегчение струилось из их ртов почти осязаемо. Гарри сел, щурясь от внезапно окружившего его яркого белого света.

— Я в порядке, я в порядке... — заверил Гарри, потирая слегка воспаленные уши. К счастью, уровень его слуха несколько снизился - хотя, к его замешательству, это оставило его слуховые способности намного лучше, чем раньше... но сейчас было не время.

Медленно, но уверенно Гарри открыл глаза, не желая этого из-за косоглазия. Однако в тот момент, когда он открыл их по-настоящему, он быстро зашипел от боли, закрывая их так же плотно, как раньше. Неужели это должно быть так больно, когда я вижу свет после того, как мои глаза привыкли к темноте? Он задавался вопросом более чем немного с опаской. Такого с ним еще не было...

— Ты в порядке, Гарри? — обеспокоенно спросил Ремус, чувствуя, что что-то не так. Он положил большую руку на плечо Гарри, и хотя давление казалось легким, казалось, что кто-то крепко сжал его плечо. Гарри едва не поморщился от необычного обстоятельства.

— Д-да, — согласился Гарри, все еще потирая глаза и уши. Его чувства казались странно острыми... может быть, это побочный эффект заклинания Дамблдора?

Гарри посмотрел на упомянутого директора, который сидел в большом плюшевом кресле позади своего стола. На его постаревшем лице отразилось облегчение и удовлетворение, а кобальтово-голубые глаза мерцали, как будто они были на ядерной энергии — хотя, подумал

Гарри, с легким оттенком сожаления или беспокойства глубоко внутри.

— Директор... — начал Гарри, перебивая суету Сириуса, Джеймса и Ремуса, — были ли у этого заклинания... побочные эффекты? Он спросил это деликатно и как можно веселее. Однако его легкого тона было недостаточно, чтобы не вызвать подозрений как у Дамблдора, так и у Мародера. Подростки в комнате замолчали и испытующе посмотрели на Дамблдора. У директора было странное выражение лица.

— Честно говоря, Гарри, я не знаю. По комнате разнеслось приглушенное дыхание. Сердце Гарри резко упало. — Заклинание, которое я использовал, было... старой магией, если не сказать больше, и в лучшем случае Греем. Об этом очень мало известно или написано. К этому моменту Дамблдор выглядел крайне встревоженным, оглядывая Гарри с ног до головы, как будто ставя ему диагноз. — Ты чувствуешь какие-нибудь характерные симптомы, Гарри? Гарри сделал паузу.

— Ничего плохого, просто я чувствую себя очень... странно.

"Можете ли вы уточнить дальше?" Дамблдор мягко подтолкнул его.

«Мои чувства... особенно слух, зрение и осязание... кажется, стали более...» Гарри подыскивал подходящее слово. "... интенсивный." Обитатели кабинета Дамблдора выглядели сбитыми с толку, склонив головы набок у Мародеров и закрыв глаза на директора.

«Являются ли они сильнее в болезненном смысле?» — спросил Джеймс, не зная, стоит ли волноваться или нет.

— Не совсем, — признал Гарри, — хотя я не сомневаюсь, что мне будет больно, если я услышу слишком громкие звуки или увижу слишком яркий свет. Гарри упустил последнюю, так как она не была сказана, и (если то, что случилось с ним, было чем-то подобным, как он подозревал) намного хуже, чем другие возможности.

У Дамблдора перехватило дыхание, когда он понял, что Гарри имел в виду в своей молчаливой речи.

— Ты позволишь мне кое-что попробовать, Гарри? — спросил Дамблдор, доставая палочку из-под края рукава мантии.

— Конечно, профессор Дамблдор, — несколько официально ответил Гарри, готовясь к странному ощущению заклинаний. "Заклинание прочь". С этими словами Дамблдор быстро и точно дернул палочкой. Тут же вылетел тонкий бледно-лиловый луч и ударил Гарри в середину груди. Его окутало ощущение, будто он лежит в горячем песке. Жестковато, но тепло и приятно. Хотя Гарри и не подозревал об этом, рядом с ним появилась дымчатая диаграмма, видимая только Дамблдору, как и планировал коварный директор.

Взгляд Дамблдора проплыл по нему, глаза расширились.

"Но это...!" — воскликнул он тихим шепотом, обращаясь больше к себе, чем к кому-либо еще в комнате.

"Что такое?" — спросил Сириус, ухватившись за возможность. Дамблдор некоторое время не отвечал, все еще пораженный результатами.

«У мистера Поттера... кажется, зрение около 47/20, а слух в четыре раза лучше, чем у обычного человека». — сказал он довольно прямо, хотя это вызвало вздох только у Ремуса. Сириус и Джеймс выглядели сбитыми с толку только в первой части, но впечатлились тем, что услышали.

"Что означает 57/20-вещь?" — с любопытством спросил Сириус, глядя на Гарри так, словно ожидал, что его глаза исказятся.

— Это значит, — ответил Ремус, все еще изумленный, — что у Гарри зрение почти в три раза лучше, чем возможно для человека. Рты Сириуса и Джеймса отвисли, подбородки опустились до ранее считавшейся невозможной длины.

"Вау! Круто!" — воскликнул Сириус. "Сделайте это и со мной, профессор!" Дамблдор шутливо усмехнулся, выглядя смутно больным в животе.

— Боюсь, я не могу, мистер Блэк. Вернее, не буду. Сириус выглядел довольно раздраженным и растерянным.

— Почему... — начал он, однако Гарри оборвал его глухим тоном.

«Из-за последней вещи он улучшился. Мое осязание. Ощущение». Мародеры (включая Ремуса, что необычно) все еще выглядели сбитыми с толку. Однако первым догадался Джеймс. На его лице медленно росло выражение ужаса.

"Н-на сколько?" — дрожащим голосом спросил он.

"Не слишком много, учитывая. Это было примерно вдвое." — ответил Дамблдор все так же монотонно. — Но достаточно, чтобы то, что ты чувствуешь под проклятием Круциатус, казалось прогулкой в парке по сравнению с тем, что чувствовал бы Гарри.

...o0O0o...

Официально это был самый длинный день в жизни Гарри. На самом деле он не мог поверить, что только этим утром покинул больничное крыло. За один день он победил василиска,

хоркрукса и вдобавок ко всему был проклят. В общем, полный день по любым подсчетам.

Однако Гарри был полон решимости так не закончиться.

"Выпусти меня!" Он кричал, борясь со своими похитителями. "Я в порядке!"

— Не двигайтесь, мистер Поттер! Вы только затягиваете время! Наконец, все еще сердито глядя на пятерых человек, окружавших больничную койку, к которой его прижимали, Гарри прекратил борьбу.

"Хорошо. Но лучше поторопиться! Нам нужно уходить сегодня!" — сказал он, слегка сверля взглядом Дамблдора — того, кто наложил на него заклятие полного связывания тела, чтобы привести его туда. В ответ он получил только безмятежную, грустную улыбку. Рядом с ним стояли в ряд Сириус, Ремус и Джеймс; все пристально смотрят на него. Джеймс, крайний слева, выглядел немного грустным от слов Гарри, и Гарри знал, почему.

Уйти на поиски означало оставить отца в Хогвартсе, что он презирал. Джеймс, увидев слегка сочувствующее лицо Гарри, сузил глаза и горделиво задрал нос. Гарри отвернулся, чтобы сохранить немного больше достоинства, и снова обратил внимание на мадам Помфри.

Она тыкала и подталкивала его своей палочкой не менее десяти минут, заставляла его пить (отвратительные!) зелья и даже сделала два маггловских укола. Однако, судя по ее лицу, ничто не могло снизить его обострившееся чувство осязания более чем на 0,03%.

Время шло в относительной тишине, нарушаемой лишь легкой болтовней двух любопытных и одержимых героем второкурсников рядом с ним на койках, которые бесстыдно смотрели на него с тех пор, как он прибыл. Однако Гарри полагал, что он был скорее зрелищем. Не прошло и нескольких дней после того, как он победил величайшего Темного волшебника всех времен, и вот он здесь, в тонком плаще Тайной комнаты — дряни, все еще прилипшей к броне, которую он носил, — в окружении встревоженных товарищей и измученной Медведьмы, не меньше. .

Если бы он не услышал об этом в «Ежедневном пророке» на следующий день, он бы съел свои штаны.

Наконец, после почти получаса (в течение которого и без того вьющиеся волосы мадам Помфри, казалось, становились все более и более пушистыми, как она подчеркивала) испытаний, ведьма вздохнула и села рядом с ним.

— Я никогда не видела ничего подобного, Альбус, — заметила она, глядя на Гарри так, как будто он был интересным и в то же время жалким экспериментом, а не человеком. «Кажется, это смесь заклинаний. Первое чрезвычайно Темное...» она вздрогнула при мысли об этом. — И второе, «Серое волшебство», если хотите.

Дамблдор неловко заерзал при упоминании о его не совсем заклинании Света, но ничего не сказал.

— Второй, каким бы вредным он ни был сам по себе, кажется, спас мистеру Поттеру жизнь.

Джеймс издал тихий, не по-мужски писк удивления и испуга, когда понял, насколько близко Гарри был к смерти. Сириусу было не намного лучше; его лицо побледнело ужасным оттенком белизны. Ремус тоже выглядел испуганным, хотя в его глазах был расчетливый вид, когда он пытался что-то сообразить. Из Ремуса вышел бы хороший слизеринец, размышлял Гарри, как всегда ходили его мысли, полностью вырванные из контекста.

Дамблдор, с другой стороны, набирал цвет. Его лицо, ранее бледное и настолько испуганное, насколько мог выглядеть величайший волшебник своего времени, теперь выражало огромную благодарность. Видимо, он наконец убедил себя, что его заклинание для спасения Гарри не было ненужным или плохой идеей.

«Сможете ли вы... уменьшить эффекты до нормальных значений?» — спросил директор, все еще казавшийся немного обморочным. Мадам Помфри поджала губы, теребя палочку в кармане мантии, словно ей все еще хотелось выхватить ее и заколдовать Гарри еще более отвратительными зельями.

— Не совсем, — наконец ответила она. «Тем не менее, у меня где-то здесь есть небольшое зелье, которое он может принять сейчас и которое должно хотя бы немного уменьшить его. Я предполагаю, что изменения зрения и слуха не являются приоритетом?» Гарри и Дамблдор синхронно кивнули. «Хорошо, потому что это зелье попадает прямо в артерии, ведущие к твоему сердцу, что поможет твоей соматосенсорной системе. Однако, боюсь, оно не повлияет ни на твое зрение, ни на твой слух более чем на 0,001%.»

Гарри понимающе кивнул. «Кроме того, мадам Помфри, мне придется уйти после того, как вы дадите мне это зелье». Тут же ее глаза сузились.

"Нет!" — с силой закричала она, вставая со стула, что очень напоминало миссис Уизли. Тем не менее, это была одна вещь, от которой Гарри категорически отказывался отступать. Он возразил, глядя в ответ так же, если не более интенсивно, как и она.

«Боюсь, то, о чем мне нужно позаботиться, немного важнее хорошего постельного режима в течение дня, мадам».

Медведьма выглядела ошеломленной. — Мистер Поттер, дело не в желании или нежелании уйти... у вас деликатное... Однако ее упоминание о его «деликатном» состоянии стало для Гарри последней каплей. Ведьма ему понравилась. Он действительно сделал. Однако в его жизни было слишком много людей, которые говорили ему, что он бессилен или что он должен (в переносном смысле, конечно) оставаться дома, пока взрослые делают свою работу.

"Нет." Он ответил каменным голосом.

"Мистер Пот-"

«Нет. Я уезжаю примерно через два часа, мадам Помфри. Вы можете либо позволить мне уйти без моего обезболивающего зелья, либо с ним».

Мадам Помфри моргнула, открывая и закрывая рот, как рыба, когда под ним качался легкий двойной подбородок. В комнате повисла тишина. Дамблдор, который, к удивлению Гарри, не вмешался в их спор, выглядел совершенно спокойным и уравновешенным. Однако Сириус, Ремус и (в меньшей степени) Джеймс ухмылялись, как кошка, поймавшая канарейку.

Затем, не говоря ни слова, мадам Помфри развернулась и помчалась в свой кабинет, по дороге бормоча что-то о Магической медицинской школе и неблагодарных мальчишках. Мародеры молча зааплодировали, но даже на лице Дамблдора отразилось легкое веселье.

Следующий час прошел в относительном спокойствии. Дамблдор ушел примерно через полчаса, (правильно) предполагая, что четверо хотели немного побыть наедине, прежде чем оставить одного из своих, о чем директор действительно был проинформирован. Гарри выпил зелье, от которого ему действительно стало немного лучше. Однако (хотя он не сказал об этом ни мадам Помфри, ни Мародерам) он был абсолютно уверен, что с этого момента все будет гораздо более болезненно.

По довольно неожиданному повороту событий, не Джеймс, а Сириус и Ремус были наиболее эмоциональны по поводу своего отъезда без Джеймса.

— Ты уверен, что не хочешь... — умолял Сириус по крайней мере в четвертый раз за последние полчаса.

— Я уверен, Сириус! — ответил Джеймс, немного огрызнувшись, хотя все еще выглядел очень опечален своими словами. «Я бы хотел, но мне нужно остаться с Лили прямо сейчас». Его глаза смягчились, когда он подумал о своей девушке, но так же быстро очнулся. — И перестань спрашивать меня об этом!

— Но... — начал возражать Сириус, но остановился на полуслове.

— Он прав, Сириус, — прервал его Ремус, выглядевший почти таким же старым, каким Гарри видел его перед смертью. «Джеймс принял решение. Я бы хотел, чтобы он тоже мог приехать, но сейчас ему больше всего нужно остаться». Джеймс выглядел благодарным.

Гарри, который до сих пор хранил молчание, позволив им решить насущные проблемы, наконец заговорил.

«Представь, если бы он приехал с нами, а я даже не родился! Это вполне возможно, знаешь ли». Пока Гарри говорил, Сириус немного вздрогнул, хотя и не ответил. Четверо мародеров сидели молча; больше нет аргументов, нет больше убедительности. Они просто сидели, наслаждаясь обществом друг друга. Все они с болью осознавали, что вполне возможно, что это будет последний раз, когда они все вместе, как группа.

Наконец, после чуть более пятнадцати минут молчания, Дамблдор вошел в комнату в своей обычной величественной манере.

-- Прошло три часа, мальчики, -- сказал он, глядя на них грустными немигающими глазами. «Я считаю, что мистеру Поттеру, Блэку и Люпину пора уходить». Гарри кивнул, поняв по каменному лицу товарища, что он единственный, кто способен сделать первый шаг. Разминая воспаленные мышцы, Гарри сел на больничной койке, свесив ноги с толстого белого одеяла.

Взяв свою палочку с прикроватного столика вместе с дополнительным флаконом зелья, он взмахнул своей палочкой феникса и снял заклинание Муффлиато, которое он наложил на нее сразу после того, как Дамблдор ушел. Как только она снова услышала их голоса, мадам Помфри поспешила в комнату из своего кабинета, нагруженная различными предметами.

"Ждать!" Она позвала, когда Дамблдор и Мародеры почти ушли. «Прежде чем уйти, принеси вот это», — она сунула каждому мальчику понемногу из припасов. «Я понятия не имею, чем вы четверо занимаетесь, но, зная ваши истории, я сомневаюсь, что это безопасно».

— Спасибо, мадам Помфри, — с благодарностью сказал Гарри, одарив ее улыбкой. Профессионализм ушел, она одарила их теплой материнской улыбкой.

«Берегите себя, дорогие». — сказала она наконец, прежде чем повернуться и кинуться к подслушивающему второгоднику через три кровати от него и слегка ударить его по сломанной ноге за это, вызвав тихий вскрик от удивления и боли.

Вместе Дамблдор, Гарри, Джеймс, Сириус и Ремус спустились в Большой зал — все пятеро шли со скоростью похоронного марша. Другими словами, медленно. По пути туда Гарри восхищался окружающим его замком; переживает дежа вю о том времени, когда чуть более полугода назад он шел почти таким же путем от офиса МакГонагалл, чтобы сказать жене, что он путешествует во времени на две тысячи лет назад. Он издал короткий, нерешительный смешок, когда вспомнил.

Они прибыли в величественный Большой Зал, что казалось слишком быстрым, даже в их черепашьем темпе. Несколько студентов ели в нем, даже в поздний час 23:00. Они посмотрели на них с любопытством, затем широко раскрытыми глазами. Гарри слишком поздно вспомнил, что ему, вероятно, следовало разочароваться в себе — быть спасителем волшебного мира и все такое.

— Вот, — тихо сказал Дамблдор, даже после того, как наложил на них чары уединения. — Я забрал твои сундуки. Он передал их Сириусу, Ремусу и Гарри в свёрнутом виде, но они быстро

расширили их и поместили в медикаменты.

— Спасибо, Альбус, — сказал Гарри, назвав свое имя (как и просили) впервые за день. Если Гарри не ошибся, в уголках глаз старика блеснули слезы.

— Нет, спасибо, Гарри. Ты принес столько надежд волшебному миру и этому старику. Дамблдор раскрыл объятия и обнял Гарри. Гарри был на мгновение удивлен его демонстрацией обидчивости, но забыл об этом, обняв своего дедушку в ответ. По прошествии нескольких секунд Дамблдор вырвался и также крепко обнял Сириуса и Ремуса, хотя они выглядели при этом гораздо более неловко, чем Гарри.

Затем, не говоря ни слова, Дамблдор оставил четверых в их пузыре конфиденциальности; всего в нескольких футах от двери, которая разделит их судьбы. Минуту они стояли в тишине, упивая остальных троих безысходной грустью.

Затем заговорил Джеймс. Или ляпнул, правда. — Прости, я не могу пойти с тобой, я должен был... Но Гарри оборвал его.

— Нет, Джеймс, — начал он, с гордостью оглядывая отца с ног до головы, — ты принимаешь самое серьезное решение из всех нас, не приезжая. Не говоря уже о том, что я чувствую себя в гораздо большей безопасности, покидая замок один. Вы здесь, чтобы помочь защитить его. Я желаю, боже, я желаю, от всего сердца, чтобы вы и Лили могли соединиться... но я думаю, что вы были правы. Если бы вы пришли и оставили Лили здесь, вы двое были бы разделены Кроме."

Сириус и Ремус вместе кивнули в ответ на слова Гарри, признавая врожденную правду такой, какая она есть.

«Он прав, приятель. Ты поступил правильно». — сказал Сириус более низким, чем обычно, голосом, когда он говорил грубым тоном.

— Иди за девушкой, Пронгс, — дрожащим голосом добавил Ремус, вызвав у присутствующих легкую улыбку.

— Ты можешь на это рассчитывать, — пообещал Джеймс, прежде чем обнять сначала Ремуса, затем Сириуса, а затем и Гарри, не обращая внимания на дюжину или около того любопытных студентов, наблюдающих за ними. Он обнял Гарри последним, и когда он это сделал, Гарри закрыл глаза, наслаждаясь моментом своего первого настоящего объятия отца.

Затем, слишком быстро, прощания закончились, что означало только одно. Пришло время уходить. Снова сжав их сундуки ловким взмахом палочки, Гарри сунул его в карман и повернулся к Джеймсу, все еще крайне не желая, чтобы это стало концом всего веселья и (относительной) безопасности, которые он имел в прошлом году.

«Папа...» — начал он, впервые вслух позвав отца своим почтительным обращением, — «убедись, что мы сможем увидеть тебя снова, прежде чем я уйду, ладно?» Голос Гарри дрогнул на последнем слове, и по щеке Джеймса скатилась одинокая слеза. Сириус и Ремус занялись уборкой своих мантий, отвернувшись, чтобы позволить Гарри и его отцу побыть наедине.

— Клянусь, — серьезно пообещал Джеймс, глядя Гарри прямо в глаза. «И это нормально, если ты будешь называть меня «папа». На самом деле мне это нравится». Ухмыльнувшись при последних словах, Джеймс провел пальцами по волосам — признак легкой нервозности.

— Спасибо, папа, — сказал Гарри, заключая Джеймса в последнее, продолжительное объятие. «Мне пора идти. Позаботься о маме вместо меня». Джеймс усмехнулся, хотя эффект счастья был испорчен тем фактом, что еще две слезы присоединились к первой, стекающей по его скуле.

— Не беспокойся об этом, — сказал Джеймс, похлопав Гарри по спине. "Я буду."

Внезапно Гарри понял, что должен уйти. Если бы он остался еще на несколько минут, у него было ощущение, что он либо А) отступит и останется еще минимум на несколько дней, либо Б) ослабеет и попытается убедить Джеймса сопровождать их. Оба этих варианта он поклялся не делать. Так что, набравшись храбрости, он резко развернулся в своей черной мантии и рывком распахнул массивную дверь.

Сразу же по комнате пробежал холодок — Гарри почувствовал себя еще холоднее, чем обычно, из-за его магически вызванного чувства осязания. Он вздрогнул и плотнее закутался в плащ. Бросив последний долгий взгляд на школу позади себя, он крикнул:

«Сириус, Ремус, пора уходить». Саид Мародеры последовал за Гарри до двери без комментариев; единственная эмоция, отражающаяся в их глазах, - это печаль из-за того, что они покинули своего друга и лидера Мародеров.

Затем, даже не попрощавшись в последний раз, Гарри с грохотом захлопнул парадную дверь Хогвартса.

А потом началось.

<http://tl.rulate.ru/book/83332/2664744>